

Время русского бытия.

Данная статья посвящена исследованию времени на основе экзистенциальной аналитики русского бытия. Различие в понимании природы времени в западном и русском мышлении выражается в фигурах линии и круга; показано различие в понимании «момента» времени как точки и интервала. Показано, что основным модусом времени для западного мышления является будущее время, для русского мышления – прошлое. На основе этого интерпретируется остановившееся время повседневности русского бытия и повторяющееся («застрявшее») время истории. Показано, что различное отношение к своей конечности западного и русского человека рождает разные стратегии понимания своей историчности и событийности и открывает разные возможности выхода из круга повторяющегося времени.

Ключевые слова: бытие (Dasein), присутствие, время, линия, круг, момент, прошлое, настоящее, будущее, решимость быть, застрявшее время, идущее время, освобожденное время, история, событие.

The article is devoted to study of time based on the existential analysts of Russian Being. The difference in understanding of the nature of time in the West and Russian mentality is expressed in the shapes of line and circle; shows the difference in understanding of the «moment» as times point and times interval. It has been shown that main times modus for Western thinking is the Future and for the Russian mindset is the Past. On the basis of that it has interpreted the time of Russian daily as stopped times and repetitive (“Stuck”) times of history. It is shown that the different attitude towards its extremity of Western and Russians man gives different strategies of understanding its historicity and event and opens up different avenues exiting the circle of repeating time.

Keywords: being, presence (Dasein), time, line, circle, point, Past, Present, Future, resolve to be, Stuck Time, Running Time, Emancipate Time, history, event.

«Ein Wort Hallers hat mir den Schlüssel zu diesem Verstandnis gegeben. Er sagte einmal zu mir, nachdem wir über sogenannte Grausamkeit im Mittelalter gesprochen hatten: «Diese Grausamkeiten sind in Wirklichkeit keine. Ein Mensch des Mittelalters würde den ganze Stil Unseres heutigen Lebens noch ganz anders als grausam, entsetzlich und barbarisch verabscheuen! Jede Zeit, jede Kultur, jede Sitte und Tradition hat ihren Stil, hat ihre ihr zukommenden Zartheiten und Härten, Schönheiten und Grausamkeiten, hält gewisse Leiden für selbstverständlich, nimmt gewisse Übel geduldig hin. Zum wirklichen Leiden, zur Hölle wird das menschliche Leben nur da, wo zwei Zeiten, zwei Kulturen und Religionen einander überschneiden. Ein Mensch der Antike, der im Mittelalter hätte leben müssen, wäre daran jämmerlich erstickt, ebenso wie Wilder inmitten unsrer Zivilisation ersticken müßte. Es gibt nun Zeiten, wo eine ganze Generation so zwischen zwei Zeiten, zwischen zwei Lebensstile hineingerät,

daß ihr jede Selbstverständlichkeit, jede Sitte, jede Geborgenheit und Unschuld verlorengeht. Natürlich spürt das nicht ein jeder gleich stark. Eine Natur wie Nietzsche hat das heutige Elend um mehr als eine Generation voraus erleiden müssen – was er einsam und unverstanden auszukosten hatte, das erleiden heute Tausende”.
Der Steppenwolf.
H. Hesse.

«Погнавшись за европейскими образцами, мы сбились с нашего исторического пути. Отсюда все наши ошибки, все невзгоды».
К.Кавелин.

Эта статья есть продолжение начатого ранее исследования о русском бытии¹. Речь пойдет теперь – о временных структурах русского бытия.

1. Предварительная экспозиция проблемы. В самом конце книги «Бытие и время» М.Хайдеггер ставит вопрос о смысле самого времени². Это переворачивает отношения между бытием и временем. Теперь бытие выступает смысловым горизонтом времени, а экзистенциальные схемы времени раскрываются как пространственные схемы бытия. Но это «прочитывание» одного через другое самим немецким философом не было реализовано³. В поздней работе «Время и бытие» он только ставит вопрос об их совместной данности как события. При этом, однако, и бытие, и время рассматриваются сами по себе безотносительно к конечному сущему Dasein. Однако нереализованность этого проекта не отменяет возможности понять структуры бытия конечного сущего как экстазы времени.

Здесь есть один принципиальный момент. Мы хотим понять время как структуры бытия. Понимание есть основополагающая конститутивная структура нашей экзистенции, а потому - временности. Непонимание только модус последнего, и может быть столь же продуктивным для нашего существования. И все же понимание не просто модус Бытия как такового, а фундаментально конститутивный экзистенциал именно *нашего собственного* конечного присутствия. Оно не только определяется, но и определяет наше конечное бытие: с одной стороны, это фактичность нашего присутствия, с другой стороны, она всегда открывается для самого Dasein как его присутствие. Присутствующий собственно есть только на основе своего отношения к своему присутствию. Являясь открытой медиацией (различением) самого нашего бытия, понимание выступает всегда как *личностный* опыт. Этот момент был опущен немецким философом в его фундаментальной онтологии. Для него понимание в модусе осознанной решимости был самым собой разумеющимся модусом присутствия; другого он просто не знал. Он просто не придавал специального значения тому, что именно осознанная

¹ См.: Комаров С.В. ««Патология» русского бытия, или русская глупость. Маленькое эссе о глупости (2)» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014, Выпуск 2(18). С. 49-59.

² Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 437.

³ Такой анализ осуществлен в нашей работе: Комаров С.В. Опыт реконструкции структуры времени в произведении М.Хайдеггера «Бытие и время» // Личность. Культура. Общество. М., 2009, Т. XI, вып. 4, № 51-52. С.377-384.

решимость фундаментально и необратимо меняет наше наличное бытие, в том числе – и понимание нашей собственной временности и историчности⁴.

Данные принципиальные положения нам необходимы для того, чтобы совершить анализ времени русского бытия на основе понимания основополагающих структур русского здесь-бытия. Дадим краткую экспозицию понимания русского Dasein.

М.Хайдеггер показал, что само бытие понимается из присутствия конечного сущего. Это был первый шаг философского мышления вообще (Leitfrage). Собственно, в таком сдвиге – от данного сущего к его «есть» открывается и само бытие, и само мышление как таковое⁵. При этом скрыто, что в таком ходе само бытие уже определенным образом «предвзято», «предусмотрено» и «предрешено». Как же оно в такой постановке уже предварительно задано? А таким образом, что, во-первых, Sein полагается противостоящим наличному da; собственно, эта дистанция и открывается в самом вопросе-сдвиге. А, во-вторых, это da изначально «понимается» как первоначальное тождество бытия и мышления, которое в самом вопрошании различается как конечное мышление-понимание и внешнее ему бытие. Но вся проблема в том, что «изначально» и онтологически, и феноменологически Sein и da не отделены друг от друга; строго говоря, здесь нельзя говорить об их тождестве или их различии. Единственно, что со всей очевидностью должно быть допущено – и допущено «задним числом» – это само неопределенное бытие⁶. Ведь, Да – это только «место» (паца) со-бытия свершения-определения-различения. Sein определяет-ся (определяет себя), в конкретном da, а Да определяет себя (определяет-ся) как экзистенция вот-этого Sein. Всякое различие, определение, оппозиция, тождество и мышление выступают в дальнейшем.

Но это означает, что сущее по имени Dasein может экзистировать к своему бытию различным образом, и сам феномен бытия может открываться в ином смысловом горизонте, чем это намечено европейской философией. Именно таково *русское* бытие. Оно – всегда и изначально неопределенное, безграничное и безмерное присутствие⁷. А потому, оно не то, чтобы вообще не мыслимо, но, скорее, выше и больше всякого мышления. Для русского человека быть – значит быть вне мышления, ведь быть – это, строго говоря, просто быть, присутствовать, а вовсе не мыслить бытие, вовсе не отождествлять свое бытие с мышлением, не делать из своей жизни мыслительную задачу. Такое не-отношение к своему бытию делает специфической экзистенциальную аналитику русского здесь-бытия. Бытие не то, чтобы не понимается, оно – *переживается и принимается*. Не Verstehen фундаментальный экзистенциал русского здесь-бытия, а Erlebnis, переживание во всех его проявлениях и во всем объеме, или Verabscheidung, принятие-смирение своего бытия. Русские *проживают* свое бытие: «жизнь есть – жить будем, а смерть придет – помирать будем». Это предполагает иное онтологическое устройство русского здесь-бытия в сравнении с бытием западного человека⁸.

Русские не выделяют себя из бытия как быта, для них Vorhandenheit тождественно Zuhandenheit. Для русских нет феномена бытия-в-мире, ибо Мир и есть само наше безграничное присутствие. Нет никакого отношения к бытию, ибо бытие не противостоит, а не отдельно и неотделимо от здесь-бытия; оно не окружает, а везде присутствует вплоть

⁴ См. нашу статью: Комаров С.В. Стратегии борьбы со временем: событийность и история // Вестник Российской Христианской Гуманитарной Академии. Спб., 2015, т.16, выпуск 1.. С. 107-120.

⁵ Заметим мимоходом, что это «роковой» ход для всякой европейской философской мысли: в таком вопросе происходит, вопреки М.Хайдеггеру, не «забвение» бытия, а, скорее, «забвение» самого сущего, самой «вещи», самого того, что присутствует в присутствии. Причем так, что современному спекулятивному реализму об этом приходится специально напоминать. – См.: Harman, Graham. Quadropule Object. Zero Books, 2011.

⁶ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Спб., 1997. С. 69-76.

⁷

⁸ Экзистенциальная аналитика русского бытия подробнее представлена нами в указанной выше работе: Комаров С.В. ««Патология» русского бытия, или русская глупость. Маленькое эссе о глупости (2)» // Там же.

до его забвения и беззаботности по отношению к нему. Такое бытие и есть и не-есть одновременно⁹. Эта близость к бытию означает иное содержание всех экзистенциалов присутствия сущего по имени Dasein. А именно: не-отношение к своему бытию порождает иную находимость себя в присутствии (Befindlichkeit), иную структуру настроенности на бытие (Stimmung), принципиально по-иному переживается брошенность/найденность и падшность в мир (Verfallen). Соответственно, мы вынуждены говорить об иной структуре Заботы, а именно об отсутствии Страх, о другом отношении к Смерти, другом месте Совести и Решимости быть. Страх как фундаментальная структура заботы имеется только в горизонте Ничто, а для русского здесь-бытия нет «там»: все «там» такое же как «здесь». Смерть есть возможность нашего бытия, но неопределенная, а сама наиконкретнейшая, т.е. существующая по сю сторону жизни, как постоянное присутствие (небытие есть не противоположность, а иное самого бытия). Смерть есть русское у-себя-бытие. Русские слышат Зов бытия (Совесть), но не как Весть из-вне, а как собственный, внутренний голос, который всегда здесь. Русские, конечно, знают и волевою решимостью, и субъективный выбор, но он для них является только сбыванием-событием самого бытия, а не проекцией их конечной воли. Решимость есть не проявление своеволия, но имманентного свершения самого нашего бытия: бытие разрешается так, как разрешается сама природа своим плодами, беременная женщина разрешается при родах ребенком. Эта Entscheidung есть собственный ход бытия.

Таким образом, экзистенциалы русского бытия имеют принципиально иное содержание. Русское здесь-бытие есть не-отношение к своему бытию, и в этом головокружительном не-отношении кроется вся специфика русского существования, а, значит, и специфика русского времени. Замысел этой статьи заключается в том, чтобы, исходя из этой экзистенциальной аналитики русского бытия, понять фигуры русского времени.

2. Целое русского времени. Линия и круг. Нас пока интересует сам базовый опыт переживания своей временности. Отношение русского da к Sein выступает как не-отношение (kein-Bezug), как отсутствие всякого различия и дистанции, котором является мышление. Такое мышление – как начало всякой философии – есть «не-бытие», некая экс-территориальная точка, из которой открывается бытие как предмет мышления. Гипостазирование такого хода, ведущее к признанию привилегированности понятийного мышления, а вместе с ним и конечного сущего, с одной стороны, и гипостазирование бытия путем представление его как иного сущего, с другой стороны, есть основополагающая линия европейского философского мышления. Однако, как говорилось выше, такая точка, такое место, такое присутствие как выделенное в-себе-самом существует (совершается) только в самом этом событии различия. Отношение возникает именно как совершение от-несения, т.е. полагания и отличения от себя самого. Это значит, что Dasein, субъект, cogito, мышление автореферентны: представляют самих себя. Дело, однако, в самом этом событии, в самом ходе отнесения, различия, мышления, представления. Оно разворачивается как процесс, т.е. *время*.

Немецкое Zeit (как и латинское tempus) связано с представлением о последовательности, переходе, отделении, разрыве, выделении «моментов» бытия и времени. Такое в своей основе линейное представление означает движение «от» ...к», от, располагая моменты «назад» и «вперед» по траектории этого движения. Это различие уже выступает как отношение одного к другому, точнее – одно после другого или одно за другим (einander und nacheinander). Это разворачивание выражает не просто последовательность, но такую смену их, когда отдельный «момент», оставаясь собой, повторяется другой раз.

⁹ См.: Калитин П.В. Уравнение русской идеи (по-святоотечески новая и оригинальная система «мысли-поступка-социума» русских ученых монахов второй половины XVIII- начала XIX веков). М.: Едиториал УРСС, 2002.

Поэтому становление другим здесь совершается не по существу, а так повторение того же самого; это различие тождественного. Качество этого времени в его повторении как того же самого. Поэтому это есть *количественное время*. Активный счет и линия – вот фигуры представления качества этого времени. Кантовский трансцендентальный счет только репрезентирует эту схематику перебора, вереницы конечных моментов.

Die Allzeit может быть представлено только в нескончаемом пробеге по этой стреле времени, а это бесконечность. В этой бесконечности «представлено» все время, а именно единство того, что было, того, что может быть, и того, что наличествует. Именно представлено, поскольку пройти всю бесконечность времени совершенно невозможно. А потому момент «теперь» и есть место (событие) различения и сборки времени, и только он в собственном смысле *есть*. Настоящее, наличное, действительное и есть граница, отделяющая прошлое от будущего. Последние, строго говоря, не актуальны, а всегда и только потенциальны.

Поскольку для западного Dasein здесь – в «моменте» собрано все бытие, постольку он есть «место» вечности. Точнее, «момент» есть «вечное настоящее». Вечность и есть то, что постоянно в каждом моменте времени. Она не есть *само* время, она – полнота времен, всех мгновений на линии времени. Поэтому существует оппозиция «вечного настоящего» и собственно вечности как таковой. Вечность есть *исполненность* времен, т.е. полная осуществленность времени, полная собранность всех моментов времени.

Для конечного Dasein это означает провал, полную невозможность осуществления: конечность здесь и сейчас означает не просто ограниченность, а фундаментальную временность. «Момент» и есть выражение нашей конечности. И здесь есть любопытная деталь. Точка «теперь» тождественна всякий раз самой себе¹⁰. Это значит, что при *обращении* на точку «теперь» взгляда она становится неразличимой; и тогда действительно присутствующими становятся прошлое и будущее (опыт Августина). Это означает следующее.

Стремление к полному осуществлению Dasein выражается в этом беге времени, устремленности к будущему. Поэтому, строго говоря, как показывает М.Хайдеггер, экстазы времени – прошлое, настоящее и будущее – неравноправны. Самым важным для западного здесь бытия становится экстаз будущего. Смысл присутствия сущего по имени Dasein в том, чтобы осуществиться. Это есть набросок воли к тому, чтобы быть, а точнее к тому, чтобы *мочь быть* (Seinkommen). Всегдашняя «нехватка» бытия гонит Dasein к тому, чтобы быть¹¹. Смысл бытия западного здесь-бытия открывается именно в этом устремлении к бытию: в экстазе будущего Dasein осуществится именно как бытие, а не как сущее.

Именно эта найденность себя как неполнота свершения в настоящем и решимость к тому, чтобы быть, и выражает себя через модус устремленности к будущему¹². Модус будущего в смысловой структуре Заботы и в любом из ее экзистенциалов (Ужасе, Смерти и Совесть) является главным. Хайдеггеровское тут-бытие всегда настроено на будущее: набросок, проект и воля есть фундаментальные характеристики бесконечного развертывания деятельности во-вне. Это и есть выражение «субъективности» западного здесь-бытия как временности. Время есть бег, вечность – целостность времени.

¹⁰ Это самотождественность точки времени «соответствует» открытости и неопределенности всякий раз присутствия сущего по имени Dasein. Что есть его присутствие? Оно есть экзистирование всякий раз к самому себе, от одной неопределенной ситуации здесь-бытия к другой ситуации здесь-бытия, оставаясь одним и тем же.

¹¹ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 327.

¹² Отсюда такое важное значение в романо-германских языках имеет перфектные времена, «привязанные» к определенному моменту их конституирования. Богатая пластичность русского языка связана с большим количеством глаголов несовершенного вида. Несовершенный глагол (инфинитив) описывает просто действие, в то время как глагол совершенного вида имеет силу утверждения (решения, воли, приказа).

В противоположность этому русское «время» («веремья») есть собирательный термин для обозначения всех видов активности-деятельности, и законченной, и длящейся, и вечной. «Время» означает «вертеть», «вращаться», «связывать», «крутить». Время – «вертун», оно обращается к себе или на себя. Что это значит? Это значит, что время не уходит, оно возвращается. Это означает признание не просто становления, смены одного другим, но сплошную пластичность или перетекание одного момента в другой. Все модусы времени (прошлое, настоящее, будущее) не сменяют друг друга как нечто отдельное, и отличное друг от друга, но как бы «вложены» друг в друга, несомы друг в друге. Каждый из этих модусов в своей определенности есть только по отношению к другим; они суть те же самые, но всякий раз как такие иного конкретного «момента». Это тождество в различном.

Сам по себе момент «теперь» *не существует*; он есть постоянная обращенность на то, что уже было и то, что должно случиться. Иначе говоря, он не может быть выделен без того, что его наполняет: он есть у-бывание и при-бывание. Следовательно, строго говоря, это не точка, не момент, а интервал, в котором совмещены (даны в-месте) то, что уходит, то, что наличествует и то, что при-ходит. Настоящее выступает как развернутость в прошлое или будущее. Момент «теперь» и означает момент постоянной обращенности: *anwenden sich*. Мы не можем выделить «момента» времени (платоновского «вдруг», аристотелевского «теперь» или хайдеггеровского «мгновения-ока») без обращения на уходящее или наступающее, без которых его просто нет. Имеется только чистая пластичность присутствия. Об отдельных моментах мы можем говорить *у-словно*, в прямом смысле, т.е. как выделяемых только в языке и в сознании, для языка и для сознания¹³.

Поэтому это *качественное* время; его прибывание и убывание суть интенсивности того же самого. Они не могут быть количественно сосчитаны. Повторение здесь есть не того самого, а, скорее, повторяется само повторение. Поэтому фигурой этого времени является круг.

«Все» русского времени (*aller Zeit*) дано, поэтому, в виде такого вращения или кружения, замкнутости начала и конца. Собственно, здесь нельзя говорить о «начале» или «конце», ибо образом всего времени и является не линия, не последовательность и вереница, а круг, вращение, обращенность на себя. Время не приходит и не уходит, оно вращается, или воз-вращается. Существует не конечность, а бесконечное повторение.

Русское время распластано, а не «точечно». Этот целое вращения времени есть бесконечное кружение, местом которого является вечность. Поэтому вечность это то, что «обнимает» все «моменты», все точки «теперь», но не присутствует в каждом в отдельности. Да и этой отдельности для русского человека нет. Вечность не оппозиция времени, а его вместилище. Это пространство разворачивания всех событий человеческой жизни, в котором они все вместе и одновременно присутствуют. Присутствуют как? Одни как уже прошедшие, другие как наличествующие, третьи как приходящие. Они все есть, имеются одновременно, точнее – одномоментно, но именно как те, что были, есть или будут¹⁴. Это не прошлое или будущее само по себе, а прошлое и будущее по отношению к этому конкретному присутствию, и в качестве таковых они имеются.

Это означает, что сама конечность здесь-бытия проявляется только в его отношении к своему бытию, только в выделении себя из бытия. Поскольку русские так себя не понимают и не мыслят, время для них не «течет», не «проходит», «не пробегает» и т.п. *Время, как и бытие, просто есть.*

Для русского здесь-бытия это означает, что каждый «момент» времени «исполнен», т.е. наполнен всем присутствием. Экстазы времени, движение и становление возникают не

¹³ Это слышится и в немецком языке: *Bedingung* – от выделенной «вещи» (*Ding*), *Zustand* – от установки (*Stand*), *Voraussetzung* - поставленного вначале (*setzen*), *Vorbehalt* - предварительно удержанного (*halten*).

¹⁴ См.: Водолазкин Е. Лавр. Неисторический роман. М.: АСТ, 2014. С. 363-364, 375-376.

от «нехватки» бытия, а от его полноты в каждом здесь-бытии. Экзистирование происходит как «переливание», «перетекание» присутствия. Эта полнота существования означает для русских «немоготу» быть, «истому» от бытия и беззаботность бытия, а вовсе не решимость, устремленность и волю. Русское бытие принципиально не требует специального мужества быть или отваги, ибо оно всегда при бытии и у бытия. Оно настолько близко, что практически забывается. Удивительная беззаботность русских связана именно с доверием бытию, которое всегда и «больше», и «то же самое» в любой момент времени. «Больше», потому что мы не отделены от него никакой дистанцией: мы всегда в нем; «то же самое» потому, что никакое различие, мышление, понимание ничего не прибавляет к бытию. Событие различия, с которого, например, начинается философское мышление, открывает бытие, которое уже есть и было и будет.

Поэтому в отличие от западного события, понимаемого как «молния» различия и отграничения одного от другого на стреле времени, русское сбывание неопределенно: оно есть покойное движение, ощущение полноты бытия. Сбывание заключается в том, что *ничего не происходит*: всякое при-бывание выражает у-бывание. Время как бы «стоит», или повторяется: всякое новое есть то, что приходит на смену старому, т.е. его иное, а не вообще другое.

Эта полнота бытия, выражаемая в спокойном перетекании времени, выражается в привилегированности экстаза прошлого, а не будущего. Будущее всегда проявляется в связи с действием; все, что модально окрашено, переключает наше внимание с настоящего момента на будущее. Однако, поскольку существует полнота бытия, т.е. уже совершенность в каждый момент пребывания, то для русских главную роль играет прошлое (свершившееся). В настоящем экстазирует всегда прошлое; мы уже в нем всегда есть, находим себя, уже расположены в нем. Русские знают будущее и все его формы (будущее как прошлое, будущее как настоящее, будущее как будущее). Однако это будущее понимается, прежде всего, как проекция и повторение того же¹⁵. Оно есть не открытость, не возможность быть, а отступление «назад», «переделка» прошлого. Будущее – не возможность быть, а, скорее, *не-возможность быть иначе*, чем уже есть. Размыкание будущего возможно только с размыканием точки перфекта¹⁶.

Таким образом, круг и линия – вот две основные фигуры, лежащие в основе опыта переживания своей временности сущим по имени Dasein. Заметим, они отнюдь не являются оппозициями друг другу: не-отношение к своему времени и его забвение может сменяться осознанием своей временности и решимостью быть, и обратно. «Круговое» время может «распрямляться» в линию, а линия может «замыкаться», образуя круги временности¹⁷. Это равноисходные и равновозможные перспективы понимания временности. И все же в русском бытии доминирует «круговое» время.

Это общее понимание времени определяет конкретные формы его экзистирования в русском существовании¹⁸.

3. Остановившееся время повседневности (Alltäglichkeit). Западный человек остро переживает падение своего здесь-бытия. Ничего другого кроме тошноты и желания

¹⁵ Как показывают исследования, формирование представления о будущем времени происходит бесконечно долго в течение всего Средневековья. – См.: Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн.4. Мудрость слова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. С. 397-410.

¹⁶ Там же, С. 409.

¹⁷ Эти доминанты базового опыта переживания временности лежат в основе эволюции представлений о времени, многократно описываемых в различных конкретно-исторических исследованиях. Различия между языческими и христианскими представлениями времени, различные образы времени в среде интеллектуалов и профанов, переход от «кругового» к «линейному» времени в эпоху Средневековья, постепенное становление представлений о будущем времени на рубеже Нового времени, и т.п., так или иначе, лишь репрезентируют эти фигуры базового опыта временности.

¹⁸ В этом анализе мы будем следовать общей последовательности глав 4, 5 и 6 Второго раздела книги «Бытие и время».

прервать тяготину существования рутинная повседневность вызвать не может. Связано это, конечно, с острым осознанием «течения» времени. Ускользание времени порождает скуку и отчаяние, желание быть со временем, успеть. Своевременность означает здесь успеть за ходом времени, быть современным.

Однако эта захваченность актуальным есть ловушка самого времени, поскольку временной горизонт при этом сужается до точки здесь-присутствия. Мы пытаемся удержаться в потоке времени, а точка времени все время ускользает: наше здесь-бытие переживается как исчезающе-конечное. Это делает призрачным само наше повседневное существование: действительность прошлого или будущего нависает над нами. Однако беда в том, что их, собственно говоря, нет: их действительность есть действительность несуществующего.

Дело в том, что присутствие *Dasein* само по себе еще не выявляет нашей собственной историчности и событийности; таковым его, по мысли М.Хайдеггера, делает решимость. Попытка быть своевременным означает стратегию ориентации на настоящее будущее. Эта решимость быть распаивает настоящее в сторону будущего и отрицает прошлое как не имеющее значения для нашего существования. Пршлое было и навсегда прошло, настоящее – не действительно само по себе, оно есть только преддверье будущего.

Это будущее рассматривается как разрыв круга повседневности только при условии понимания его как того пространства, в котором можно сбыться. Это не просто наступающее будущее, ибо оно может и не сбыться; это будущее как открытие простора для деятельности. Лихорадка активности, свойственная западному человеку, есть не просто попытка трансцендировать конечность существования, но именно открытие экстатического горизонта возможности быть.

Быть со временем – значит управлять им, т.е. определять его направление. Продвижение в будущее и есть сдвиг границы настоящего здесь-бытия, заглядывание за его горизонт. Для западного человека это означает способность самому задавать смыслы своего бытия. Для этого нужна независимость от своего настоящего и прошлого, мощь и сила существования. Это вопрос власти/свободы как отрицания прошлого и настоящего. Поэтому торжествующий размах субъективности западного человека есть выражение самой возможности распоряжаться своим бытием¹⁹.

Иное дело – русское здесь-бытие. Повседневность отнюдь не переживается русским человеком в модусе падшести. Как было указано выше, русское здесь-бытие не отделено от своего бытия, никакой дистанции между ними нет. Поэтому оно – не конечно: неопределенное «вот»-бытие – это только раскрытие бытия в этой, как и любой другой, пространственной точке нашего пребывания, но само бытие имманентно своей беспредельности. Мы не вне бытия и не напротив него, а погружены в него. Это означает, что в повседневности мы «погружены» в *само* время.

Тут есть значимая игра смыслов. Слитность и неотличимость от своего бытия означает его не-понимание. Как уже говорилось, русские не понимают свое бытие, а им живут. Русское «понимание» не означает владения. «Имать» - значит «ловить», но разве можно «поймать» бытие, если оно уже не дано нам? Экзистенциалом русского здесь-бытия является расположение – и в смысле пространственной позиции, и в смысле благоприятной настроенности. Немецкие *Befindlichkeit* и *Gestimmtheit* не могут выразить этого настроения слабого наслаждения своим присутствием. Это наслаждение полнотой

¹⁹ Заметим, что этот пароксизм деятельности западного человека амбивалентен: этот набросок на свое бытие вполне может оборачиваться забвением бытия. Сладость от самой активности может переживаться как обретение смысла так, что теперь смысл оказывается не в самом бытии, а в этой активности. Триумф своеволия, проекта-наброска бытия, счета времени может заступить на место понимания бытия. Тогда набросок на свое бытие выступает только как форма его забвения.

бытия и порождает в русских немоготу решимости: наброска на бытие быть не может, ибо бытие все уже здесь²⁰.

Что значит: остановившееся время? Это значит, что время повседневности переживается русским человеком как полнота существования. Актуальное присутствие суть не только сам по себе этот настоящий момент, но и *его* прошлое, и *его* будущее. Эти экзистенциальные горизонты есть не границы настоящего, а его собственные экстазы. Настоящее, поэтому, не становится прошлым и не предшествует будущему: оно обращено к ним и, тем самым, несет, длит, продолжает их в себе. Оно полно этим прошлым и этим «отсутствующим» будущим.

Время «стоит»: каждый новый день столь же полон бытия, как был прошлый и будет будущий. Время не течет, оно повторяется. Почему? Потому что экстаз времени есть ис-ступание к себе самому. Здесь и открывается самое главное русского времени. Настоящее это только обращенность к себе самому, а это есть экстаз *прошлого*. Если бытие экзистенциально к самому себе, то его экзистенция в на-стоящем разворачивается как обращение на себя, т.е. как *повторение*. А именно повторение прошлого: сегодня то же самое, что было и вчера, и завтра повториться то же самое, что и сегодня. Сегодня это суть обернувшееся прошедшее. Будущее – это только возможность повторения того, что было.

Поэтому действительным временем русской повседневности является *прошлое*. Настоящее дление есть только его вос-произведение; будущее есть только воз-ращение прошлого. Настоящее длиться как попытка разобраться со своим прошлым, прожить его еще раз. И это крах существования, ибо такое проживание просто невозможно; возможно только его бесконечное повторение и нескончаемое пережевывание того, что было. Если отношение ко времени есть переживание, а не понимание, то остановить это дурное повторение становится невозможно.

Открывается ли в повседневности русского здесь-бытия будущее как возможность существования как таковая? Такое время выражается глаголами модального действия, т.е. категориями необходимости, желательности, ожидаемости и т.д. Конечно, русские знают активное действие; время и есть мера действия. Оно длится, пока совершается какая-то деятельность. Сама эта деятельность лишь совершается внутри бытия и окутана им. Да и сама она переживается как несовершенная, ибо результативность этой деятельности определяется нами самими («субъектами» ее) лишь в малой степени. Скорее, это определяется самим разворачиванием полноты бытия²¹. Поэтому будущее время выражает слабую настроенность на ожидание благоприятности исхода: надо делать свое дело, а там как Бог даст...

Размыкание этого круга времени русской повседневности происходит только при условии обращения на будущее как нехватку бытия в здесь-существовании. А это предполагает *признание своей конечности*.

4. «Застрявшее время» истории и русская судьба. История рождается из повседневности: она всегда предполагает отношение к своему бытию, т.е. его понимание. М.Хайдеггер не просто играет словами, выводя этимологию слова «история» из смысла слова «судьба». Судьба есть удел, или тяжба бытия, т.е. линия бытия, на которую мы поставлены или посланы, и на которой уже всегда стоим²².

²⁰ Отсюда эстетическое отношение у русских ко времени своего повседневного бытия. Они наслаждаются этой полнотой пребывания; это сладкое забвение в повседневном круговращении и удовольствие от коловращения знакомых дел. Это и забвение себя, своего бытия, времени своей жизни, и острое понимание счастья, любви и смысла своего пребывания. – См.: Козин Н.Г. Россия. Что это? В поисках идентификационных сущностей. М.: Академический проект; Альма матер, 2012. С.172-222.

²¹ Козин Н.Г. Там же С. 226-227.

²² Heidegger M. Das Wesen der Geschichte. "Anfang". "Seyn" // Heidegger M. Die Geschichte des Seyns. Gesamtausgabe. B.69. Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main, 2012. S. 93-105.

Наша жизнь есть развертывание линии нашей судьбы. Если мы хотим осознанно ее прожить, то мы должны понять нашу жизнь как нечто целое и целостное, то, что придает смысл любому событию нашего существования. Человеку важно знать, что какой бы неудачной и провальной с любой точки зрения ни была его жизнь, это была именно его единственная и ему предназначенная жизнь, важно знать, что он проживает именно свою, а не чужую жизнь. Если мы знаем смысл своей судьбы, то в самых разных жизненных событиях, в самых разных ее вариациях, разыгрывается единственно значимая для нас линия жизни.

Такое понимание бытия как пути изначально связано с пониманием его историчности. История – это вовсе не собрание всех эмпирических событий нашего существования. Смысл истории и есть связывание в единое целое разнообразных событий, так что в них проступает, проявляется единство самого бытия. Однако смысл своего исторического бытия всегда предполагает его понимание. Только в рамках понимания как отношения к своему бытию открывается расположенность в истории. Какова же фигура русской истории?

Не-отношение к своему бытию рождает и неисторическую форму существования. Это не значит, что люди и народы не имеют эмпирического существования. Но в таком случае история имеет только внешнее отношение к существованию человека: он не живет в истории и историей. Иначе говоря, такое существование человека не имеет исторического измерения, не имеет исторического смысла. Мы просто пребываем, а не существуем исторически. Мы – вне истории.

Траектория истории в этом случае связывает события только в последовательности происходящего. Это могут быть как героические, так и не героические, важные или случайные события, исторические прецеденты и исторические анекдоты и т.д. История в этом случае предстает только как нарратив, в котором все события вплоть до настоящего времени моего существования «расположены» на виртуальной линии рассказа в некоторой последовательности. Такая история не имеет отношения к повседневному существованию человека, как и он не имеет отношения к истории. Это история как представления, а не как действительное бытие. Такой нарратив может выступать как историческая память народа, но сам по себе он еще историей не является. Это есть расхожее понимание истории.

Однако, история отнюдь не нарратив, сама она есть модус присутствия. Она есть такое здесь-бытие, в котором удерживается связь с прошлым и настоящим. Это такое присутствие, в котором распахнут горизонт временности как единства экстазов времени. Это место *развертывания* самих горизонтов времени. Что это значит?

Настоящее «теперь» понимается не как вечность или сжимающее в точку присутствие, а есть переходящее, или идущее время (*Zugehenzeit*). Этот ход суть место, в котором разворачивается само прошлое как сбывшееся и будущее как грядущее. Это присутствие как сам переход (*Übergang*), или событие-место обретения и удержания смысловых горизонтов здесь-бытия как временности присутствия (*Dasein west die Zeit*)²³. Иначе говоря, присутствие как историческое событие есть «место» различения и связывания самих горизонтов времени как их сбывание. И наоборот: их с-бывание и есть событие присутствия в истории, актуальное осуществление присутствия как времени.

Поэтому действительная история есть дистанция к настоящему бытию. Время истории есть то, в чем мы по-настоящему сбываемся. В этом случае прошлое есть экстаз настоящего как действительно сбывшееся. Что это значит? Это значит: оно действительно было и прошло; оно сбилось, осело, завершилось и прекратилось. Оно присутствует в настоящем как именно «прошедшее», т.е. теперь не длиться, не продолжается, не присутствует. Это действительная история, или *собственно* прошлое.

²³ Heidegger M. *Das Sein und Zeit und das anfängliche Denken als Geschichte des Seyns* // Heidegger M. *Über Anfang*. Gesamtausgabe. B.70. Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main, 2005. S. 191-197.

Только по отношению к такому прошлому только и возможна дистанция различения. Однако вполне может быть и незаконченное, продолжающееся, длящееся в настоящем прошлое. Это незаконченное, не свершившееся до конца, застрявшее в настоящем прошлое. Оно есть момент самого настоящего присутствия. Это означает, что настоящее присутствие не разрешилось от бремени этим прошлым, несет его с собой и «болеет» им. Оно не решено и не разрешено как собственное прошлое. Такое, не разрешившееся в прошлом, прошлое есть повторяющийся морок. Оно есть не ставшее историей, или *застрявшее время*.

Так же и с будущим. Будущее как грядущее есть то, что может прийти и сбыться. Оно наступающее, то, что становится настоящим. Однако горизонт будущего содержит не только наступающее, но и то, что никак не может наступить и никогда не может осуществиться. Оно есть такое будущее, которое есть будущее «навсегда». В этом смысле это такое будущее, которое в действительности не-есть, «не могущее быть» (*seinskönnen nicht*) будущее. Действительное будущее это то будущее, которое имеет возможность быть; оно есть собственное будущего настоящего присутствия. Оно есть актуальный экстаз наличного бытия. Но если это только неспособное к наступлению и осуществлению в качестве настоящего будущее, то оно есть никогда *несвершающееся время*.

Действительное настоящее и есть такое со-бытие, о котором происходит «превращение» (*Um-wandung*) горизонтов времени друг в друга: обретение прошедшего действительным смыслом прошлого как за счет становления прошлым настоящего, и обретение будущим действительного смысла будущего за счет его становления настоящим. Каждый из экстазов времени обретает свою действительность за счет собственного отрицания и становления иным экстазом. Это «превращение» экстазов времени друг в друга и есть со-бытие настоящего, т.е. завязка истории, ее действительное осуществление. Поэтому история как присутствие есть обретение смысла времени или линии судьбы. Судьба – это завязка узла времени в событии присутствия.

В свою очередь такое обретение истории означает понимание событийности нашего присутствия. Если такого понимания нет, если нет отношения к своему бытию, то это означает замкнутость в круге повседневности, или выпадение из истории. Именно это и имел в виду П.Я. Чаадаев, говоря о русской истории: нет связи, нет единого смысла существования. Русская история разворачивается всякий раз заново, с чистого листа, завязки единого существования не происходит. Мы - Иваны, не помнящие родства; каждое новое поколение не продолжает дело отцов, а начинает все заново. Круг и постоянное повторение событий русской истории: она никак не может «распрявиться» в единую линию судьбы. В чем тут дело?

Выпадение из истории связано именно с тем, что исторические события завязываются без понимания их *действительного* смысла. В самом событии и участии в нем не происходит понимания его как узла завязывания истории. Потому, что нет действительного присутствия. Поэтому прошлое, не понятое до конца, никак не завершается; оно становится незаконченным, незавершенным делом, требующим разрешения в настоящем. Это стоящее в настоящем прошлое *живое*: оно «кровоточит» и «болит» в повседневности здесь-бытия его участников. Так же и будущее, которое никак не может сбыться, потому что нет способности к бытию. Оно не может сбыться, потому что его «место» в настоящем занято несбывшимся прошлым. Оно не способно к осуществлению, потому что вся энергия на его осуществления растрачена на борьбу в настоящем с не осуществляемым и застрявшим прошлым.

Это означает, что и настоящее, строго говоря, не имеет смысла такового: оно не настоящее, а «прошлое в настоящем», или «чистое будущее». Весь его смысл обращен к неосуществимому. Это как бы бытие спиной к будущему и лицом к прошлому. Вся настоящая история уже свершилась в прошлом, вот только в настоящем мы в полной мере не можем «оживить» это живое прошлое. Мы его оживляем через его нарратив, т.е. сказание о героическом прошлом. Такое бытие в прошлом есть не-бытие в настоящем и

не-осуществимость в будущем. На поверку такое бытие оказывается не-существованием, или как-бы-существованием, его имитацией.

Почему фигурой русской истории становится эти петли времени, круги повторения одного и того же? Постоянное повторение судорожных социальных движений, постоянное зачеркивание своего прошлого, постоянное повторение одних и тех же социальных паттернов (матрица «догоняющей модернизации», спор славянофилов и западников, «переписывание истории», гигантская государственная катастрофа с последующим взлетом народного духа, и т.п.)? Все начинается каждый раз с чистого листа, но оказывается повторением того, что уже было. Генетическая память русского народа только открывает это выпадение из истории, эту трагическую «повторяемость» русской судьбы. Что-то в самом русском бытии мешает пониманию ее.

5. «Высвобождение» времени. Русское чудо. М.К.Мамардашвили по этому поводу пишет: «...За этим как раз и стоит извечное и тянущееся из глубины веков бессилие совершения поступков, которые бы доводились до конца, так что всякий поступок есть деяние, как бы совершаемое раз и навсегда, и ответственность за него беру я»²⁴.

Дело суть в *специфической модификации* экзистенции русского здесь-бытия, которая связана с *неприятием* своей *конечности*. Само по себе присутствие Dasein еще не выявляет нашей *собственной* событийности и историчности; таковым его делает именно решимость. Даже «вписанный» в структуру бытия, модифицированный бытийной эпохой, обнаруживающий свою «нейтральность», наш опыт есть действие понимания (интенция и выбор) субъекта. Поэтому для нас бытие существует лишь на основе *опыта личной медитации бытия*. Присутствующий есть *для себя* в присутствии только на основе своего отношения к этому присутствию.

Как же модифицирована решимость русского здесь-бытия? Если расположенность и настроенность в русском здесь-бытии модифицирована как *доверие* к бытию, если брошенность/найденность выступают как его *принятие*, то решимость модифицирована как *смирение*. Решимость всегда есть отклик на голос Бытия; но если Бытие всегда здесь, то и решимость выступает как хранение этого зова. Это есть не энергичный набросок на существование, а *внимание* к этой Вести. Это экзистирование как полная «объективизация» своего присутствия.

Трансценденция своей конечности для западного Dasein разворачивается не только в энергии наброска на свое бытие, но и в понимании тщетности такого поступка. Ответственность на зов Бытия тогда разворачивается как именно сознание-понимание своей конечности как точки здесь-присутствия. Ответственный поступок и есть действие из понимания своей конечности; в этом случае все бытие «держится» самим моим поступком. Здесь сознание мотивирует волю, а воля определяет поступок. Ни надежды, ни упования на благодать здесь нет и быть не может²⁵.

Русское внимание к бытию есть *отрицание* своей конечности в желании слиться с Бытием. Это рождает специфическую слабую решимость изменения: наслаждение присутствием не предполагает внешней активности. Поэтому и преобразование переживается нами как внутреннее преобразование, преобразование себя, а не Мира. Вся энергия существования направлена на это. Преодоление своей конечности осуществляется путем постоянной трансценденции своего здесь-бытия, которая для русских выступает не в опыте мышления-воли-поступка, а в опыте молитвы и стяжания благодати^{26 27}.

²⁴ Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М., 2000. С. 357.

²⁵ Там же, С.359.

²⁶ См. ступени умного делания и собственной личной активности в опыте русской святости: установка-покаяние - подвиг – невидимая брань – трезвение – сведение ума в сердце – Иисусова молитва. Эта практика модификации нашего здесь-бытия должна завершиться стяжанием благодати, обожением и обретением святости, т.е. неслиянным слиянием с Богом (Бытием). Такая практика предполагает чрезвычайной силы активность и энергичность, но направленную не во-вне, а внутрь здесь-бытия. Преобразуется не Мир, а само сущее. – См.: Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. М., Издательство

Наиболее ярко этот проявляется в т.н. феномене «русского чуда». Речь идет о событиях прорыва в историю. Таковы все известные переломные события в русской жизни, которые не могут быть вполне объяснены с точки зрения привычных причинно-следственных связей. В них линия течения «линейной» истории как бы «прерывается» и «прокидывается» в иное бытие, открывая подлинно исторического существования. Именно этот прорыв в историю находит свое объяснение в спекуляциях о «русской душе», «подлинной миссии русского народа», «религиозном смысле русской истории» и т.п. Безусловно, такие события всегда связаны с чудовищным выплеском народной энергии, и переживаются как действительное проявление русского национального духа, восторг от участия в исторических действиях. Но в этом они мало отличаются от триумфа национального духа других народов. Суть их отнюдь не в этом, а потому всякие спекуляции о русской истории и энтузиазм исторического сознания далеки от ее понимания.

Суть в том, что в этих событиях проявляется специфически русская экзистенция к своему бытию. А именно: амбивалентное отношение к своей конечности. Действительно, решимость быть связана с таким трансцендированием собственной конечности, в котором она и «преодолевается», и «удерживается». Личный поступок как стремление полного осуществления в бытии возможно только как проявление собственной конечности²⁸. С одной стороны, поступок как прорыв повседневности направляется отрицанием собственной конечности и доверием к бытию, с другой стороны, с другой стороны, это всегда объективация моего присутствия, моего «я». С одной стороны, историческое действие есть отрицание собственно во имя общего, с другой стороны, само общее реализуется только в индивидуальном экзистировании²⁹.

Вот это противоречие и находит выражение в «русском чуде: с одной стороны, это есть вхождение в историю как личностный поступок, проявление личной ответственности, личного присутствия. С другой стороны, он понимается как отрицание этой личной ответственности, собственной воли, собственного «Я». В своих собственных действиях русские отрицают свою собственную конечность; это присутствие как непонимание и не доведение поступков до их полной реализации, до подлинной историчности и событийности. Русское бытие как бы изначально надломлено в своем бесконечном доверии к бытию и собственной нерешимостью быть³⁰.

гуманитарной литературы, 1998. Новиков Н. Начало молитвы. Беседы о внутренней жизни. М.: Издательский проект «путь умного делания», 2015. Сознание своей конечности связано у русских с сознанием своей изначальной греховности; преодоление ее возможно только «идеальным» путем – путем стяжания благодати. Попытка преодолеть греховность в Мире (Земном бытии) и стать идеальным без Божественной благодати собственными силами есть истерика своеволия, искус гордыни и дьявольское наущение.

²⁷ Заметим, что упование на Божественную благодать есть и утверждение конечности, и ее умаление. Это только выражение онтологического устройства здесь-бытия: оно есть место изначальной открытости Бытия. Такая медитация собственной конечности лежит в основе всей западной метафизики: ср., например, аргументы Декарта о собственной ущербности. Поэтому вполне может быть такая модификация решимости, которая одновременно «удерживает» сознание нашей конечности при внимании к бытию. Русским эквивалентом такой решимости быть без забвения своей конечности и без забвения бытия является поступок как «доброе дело», или «мирская молитва». – См.: например: Св. Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. – 4-е издание. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. С. 234-247.

²⁸ М.К. Мамардашвили называет, поэтому, личный поступок «крещением воли.- См. его анализ поступка как единства сознания-бытия и «держания» конечности своего присутствия. – Там же, С. 368-374, 392-410. Здесь же он анализирует фундаментальную надломленность русского бытия, связанную именно с отрицанием своей конечности.

²⁹ Козин Н.Г. Там же С.215-217.

³⁰ Там же, С. 397-399.

Именно поэтому суть «русского чуда», а не в его «героичности» или «катастрофичности». Это стремление быть при отрицании этого стремления. В этой амбивалентности русского экзистирования открывается смысл повторения кругов русской истории. С одной стороны, это попытка обрести именно историческое существование, «развязать» узлы застрявшего прошлого и открыть действительное будущее. Это «высвобождение» времени как обретение действительного будущего как возможности быть. С другой стороны, это такая попытка, которая связана с повторением ранее неразрешенных проблем как их новым проживанием (изживанием), в котором время будущего является только возможностью, а не «совершением» его собственным усилием в настоящем. Это признание собственного прошлого как его утверждение³¹.

Действительно, экзистирование к своему бытию выступает как экс-тазирование к *собственному* времени. Поэтому, с одной стороны, это такое присутствие в настоящем, в котором «завязывается» узел времени: действие разворачивается как прехождение времени, т.е. обращение в настоящем будущего в прошлое. История делается тем, что настоящее становится проходящим, а будущее осуществляется как настоящее. Только такая событийность отсылает к смыслу личностному смыслу бытия, и только при этом экстатические горизонты времени предстают как горизонты исторической судьбы человека. Иначе говоря, выявление этой онтологической структуры поступка как присутствия есть *десубъективация времени*.

В таком случае экстатические горизонты несобственной, или расхожей, историчности, могут быть обозначены как простая *Gegenwärtigkeit*; она лишь суждение от настоящего присутствия как простой наличности. Для такого «настоящего» будущее и прошлое есть только представления, не имеющие собственно присутствия. Собственная же историчность предстает как *Präsenz*; она также есть суждение от настоящего присутствия как присутствия понятого; это решенное, или разрешившееся от невозможности быть, присутствие. Такое настоящее есть «сборка», «завязка», «сбывание» своего целостного присутствия и вхождение в историю. Это есть «разрыв» круга повторяющегося, или стоящего, времени, его выпрямление в вектор (линию), направленности в будущее.

Однако, с другой стороны, в историческом присутствии русских равноприсутствует не только отрицание своей конечности, но и только стремление к «объективности» присутствия. Десубъективация времени есть всегда присутствующая, но не реализуемая возможность русского бытия. Отрицание собственной конечности ведет к стремлению к идеальному воплощению своей бессубъектности. Объективация поступков не признается за подлинное существование; это всегда присутствующая в энтузиазме русского исторического свершения возможность падения в повседневность. Если доверие к бытию оказывается для русского человека сильнее, чем принятие на себя ответственности за свое бытие, то понимание тщетности трансцендирования своей конечности обрушивает решимость быть в повседневность. Это и есть «выпадение» из истории.

Это означает смыкание горизонтов времени в момент настоящего. Потеря ответственности и лица обрушивает экзистенцию в беззаботность повседневного существования. Содержанием временности нашего существования становится «отчуждение» от истории и замыкание в простой современности как своевременности (*Gegenwärtigkeit*). Горизонты исторического времени становятся горизонтами павшего *Präsenz*, которое само есть только исчезающее мгновение смыкания уже несуществующего прошлого и еще не наступившего будущего. Это означает обратную *субъективацию времени*: прошлое и будущее «развязываются» в простых представлениях повторяющегося. *Линия времени вновь замыкается в круг, а «русское чудо» на-всегда остается повторяющимся чудом истории, а не делом человека.*

³¹ См.: Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое. М., 2007.

